

БОГ ВОЙНЫ

Михаил Шутый, Анатолий Шутый

Записано по устным рассказам Михаила Александровича Шутого его сыном Анатолием с максимальным сохранением стилистики, и потому изложение ведется от первого лица. Автор стихов А.М. Шутый.

В современных фильмах про войну часто показывают, что солдаты шутят, смеются (причем иногда даже во время боя). Не было такого – все были серьезными, сосредоточенными. Ну, после боя, конечно, можно было пошутить, но все равно не так.

Порой в картинах про войну
Поют задорно и смеются.
Когда вокруг снаряды рвутся,
Не так! Война – серьезный труд.
Сегодня это не поймут.

Помню, мы попали под огонь нашей «катюши»: армия развивала наступление, и у командования были неправильные данные. Кошмар! Земля дрожит, всё гудит... Море огня! Куда бежать, где прятаться? Потом, когда разобрались, наступающие части прошли мимо нас дальше.

Земли решение дано,
И содрогнулась литосфера:
Как перед войском Люцифера
Упал огонь, открылось дно!

Безверье навлекло врага,
Но Бог услышал наши души:
Земля ответила тогда
За Бога залпами «катюши»!

Ранило меня в марте 45-го. Утром к нам на позицию прибыл замполит – толстый и неуклюжий мужик. А тут артналет начался. Он первым полез в блиндаж и застрял, заклинив собой вход (остальные остались на открытом месте)! В итоге двоих товарищей убило, а я, придя в себя, лежал и чувствовал страшную боль в ступне и руке. Думал, что ногу оторвало. Поднялся – вроде цела. Просто на нее кирпич упал, который выворотило взрывом из стены сарая. Рука оказалась порезана осколком, и еще один осколочек потом нашли в голове, но вынимать не стали (он был размером с маленькое семечко. – А.Ш.). Еще была контузия. Только я не стал дожидаться выписки – сбежал из госпиталя к себе в часть, довоевывать.

У меня всегда была уверенность, что не убьют. Единственное, чего

боялся, – попасть в плен. Вспоминается, наверное, один из самых страшных случаев на войне. Прошел слух, что немцы ищут «языка». И вот как-то иду я по траншее (а уже стемнело) и чувствую, что меня кто-то схватил сзади за шинель. Ужас. У меня сердце точно остановилось, и холодный пот выступил. Я уже был готов к самому страшному: весь напрягся для борьбы насмерть... Осторожно оглядываюсь... и вижу: проволока зацепилась за полу шинели! Да, вот страху-то было... а потом радости!

Бывает на войне смешное,
Но и оно совсем иное:
Откуда грохот: взрывы? грозы?
От смеха иль от горя слезы?

В Берлине, уже после войны, у нас с товарищем кончились деньги, но зато был целый чемодан папирос (собрали из того, что выдавали). Что делать? Решили продать эти папиросы.

Только как? Языка мы не знаем, к тому же, как мы – советские офицеры, победители – будем стоять на рынке и продавать папиросы? Так, мы нашли одного немца, дали чемодан и объяснили, что от него требуется. Немец очень быстро всё продал, и мы решили его отблагодарить: повели в офицерский ресторан (туда пропускали только офицеров, и на входе стояла охрана), мы-то были в форме, а он, мол, с нами. Прошли. Немец выпил водки: один стакан, второй... и начал кричать по-немецки: «Хайль Гитлер! Сталин капут!» Кругом всполошились, а мы стали оправдываться: это, мол, наш офицер, только как выпьет (наверно, от контузии) сразу начинает по-немецки кричать... И всё это в Берлине, в 45-м году, да еще и в офицерском ресторане! Уже особисты направились в нашу сторону; если бы взяли, тогда бы всё – трибунал! Хорошо, командир успел спасти: арестовал и посадил нас на трое суток на гауптвахту.

Бой расчета «сорокопятки»

Помню, мы в ловушку попали: зашли в дом – переночевать, а утром оказалось, что и на втором этаже, и в подвале сидят немцы, и всё простреливается – не высунуться. Что делать? По радиации связались со своими и договорились, что наши артиллеристы через определенные интервалы времени и условленное количество секунд будут вести прицельный огонь (по прилегающим к дому участкам. – А.Ш.), а мы, улучив момент, будем уходить. Наши начали палить – немцы прячутся, мы же считаем секунды, чтобы точно знать, когда огонь закончится, и, пока немцы не

пришли в себя, откатиться подальше за бугорки и камни. Так и выбрались!

Есть у войны немало бедствий,
Порой, не высунуть и нос.
Вот и сейчас мы, точно в детстве,
Считалочку твердим всерьез:
Раз, два – и щелкнули затворы,
Три-пять – молчат, на мушке ждут,
Шесть-восемь – «Эх, златые горы!..»,
Одиннадцать – сейчас начнут!
Вот наши бьют, и нам – спешить!
Секунд пяток открыта лапа.
Быстрее – катиться и кружить
Под гром спасительного залпа.

Был у нас ездовой Бондаренко – он снаряды подвозил. Как-то вёз он боеприпасы, и немцы попали прямо в ящики со снарядами. Вообще ничего не нашли. Только по головам лошадей поняли, что он взорвался.

Помню, снайпер бил по дороге. Подойдет к ней человек, – знает ведь, что дорога простреливается, и, если пройти несколько десятков метров, можно, не рискуя, ее пересечь, но надеется, что обойдется, что, мол, успеет перебежать – и решается все же «попробовать». А снайпер раз – и всё. Так несколько человек погибло. Я ее перешел в другом месте – чуть дальше. В конце войны, кстати, много погибло от снайперов: наденут орден с медалями – те блестят, сверкают на солнце – снайпер и бьет по ним. Я так не делал. Еще меня спасало то,

что ростом маленький (и хорошая физическая подготовка была – мы в селе с детства работали), из-за невысокого роста, кстати, меня и не взяли на Парад Победы: по званию и по наградам подходил, а рост должен был быть не менее 1,75 м.

Так было и, конечно, есть,
А по-другому – просто странно:
Враг атакует непрестанно –
Тогда на фронте, ныне – здесь.

И нужно быть готовым нам,
Ведь под прицелом всё святое,
Всё лучшее, всё дорогое:
Стреляет враг по орденам.

Во время бомбежки было страшно. Особенно страшно видеть открытое небо: всё гудит, грохочет, кажется,

бомбы летят на тебя. Мы вырывали окопчик (иногда даже ложками, если не было лопатки), ложились в него, натягивали над собой брезент – и ты вроде бы защищен (брезентом от бомб!) – не видишь бомбежку, кажется, что и тебя не видят. Даже иногда спали так.

Когда сверлил бомбежки стон,
Хотелось как-то защититься:
Брезент натянешь – скрыты лица,
И вроде бы ты защищен.

Когда не видишь смерти лик,
Пусть даже над тобой он замер,
И где-то уже пущен таймер,
Живешь! Я к этому привык.

Помню, бомбежка началась – стали окапываться. А лопатки у меня

не оказалось. Я попросил ее у бойца, который впереди лежал. Но он не дал – сам окапывался, и я стал рыть ложкой... Его убило в тот раз: бомба попала прямо в его окоп – бац... и всё.

Мы научились спать под снегом,
Сидеть в болоте, под бомбежкой,
Мы научились править веком
И рыть окопы даже ложкой!
Готовы кровь и жизнь отдать.
Мы научились побеждать.

После войны мы (однополчане) некоторое время переписывались. Так вот, из демобилизованных, отправившихся эшелонам, который должен был проходить через Польшу, никто никому не написал! Про-

пал целый эшелон. Мы между собой решили, что польские националисты завели его куда-нибудь в тупик или в лес, и там всех расстреляли.

Когда наша армия должна была встретиться с американцами, мы, якобы по ошибке (дескать, думали, там фашисты), как ударили по ним мощной «артподготовкой»! А потом, конечно, извинились и так далее. Надо было тогда (в политических целях) показать, кто здесь хозяин. А в Берлине наши части перегоняли туда-сюда для видимости интенсивного движения.

Боевые сто грамм мы до боя не пили – разве только после. А когда был бой за Зееловские высоты, кухня вообще отстала (только уже после боя подвезли обед). Тогда, как известно, сражение началось ночью при свете прожекторов. Нам, конечно, было видно гораздо лучше, все-таки прожектора светили в спину и освещали немецкие позиции, но все равно всё перепуталось: все вместе – и немцы, и наши... Где кто? Не разберешь.

Из Красной Армии солдаты,
За дни и годы битв суровых,
Мы – не свернувшие назад –
Обращены в солдат Христовых!

Нам ветер будет в спину дуть,
И ангелы придут воочью,

Над пропастью проляжет путь,
И солнце будет даже ночью!

Ватаку идти очень страшно. Впереди всё грохочет, сверкает, а ты идешь прямо туда, на эти взрывы, как в темноту... Как в бездну. Нет, сегодня этого никому не понять.

Мы шли туда, где смерть живет,
А бездна вторит канонадам,
И горизонт лежит за адом...
Никто сегодня не поймет.

Над кем-то ангел пропоет,
И это слышат остальные –
Идущие... полуживые...
Никто сегодня не поймет.

Мы в бездну шли и в небосвод,
Где грохотало и молчалось,
Рвалось, пылало и сверкало,
Где всё – конец, и нет начала...
Никто сегодня не поймет.

Помню, уже в Германии еду я на машине по полю, на котором только что был бой, и вижу лошадь, одиноко стоящую... на трех ногах.

Я видел боль, я видел прах,
Но, – чтобы как-то подытожить, –
Что главное: дым... взрывы... страх?...
Я видел после боя лошадь,
Стоящую на трех ногах.